

СРЕДНЕВЕКОВАЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ЕВРАЗИЙСКИХ
СТЕПЕЙ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУВПО «МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

Выпуск 3

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

Сборник статей к юбилею
профессора С.А. Плетнёвой

Москва – Йошкар-Ола
2006

ХОЗЯЙСТВО, БЫТ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РУССКИХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НАЧАЛЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ю.А. Павленко

В течение многих столетий степи Нижнего Поволжья были зоной интенсивных этнических и культурных контактов. Наряду с народами, традиционно ведшими кочевой образ жизни, участие в них принимали и представители оседлых, как европейской, так и евразийской цивилизаций. При этом в хозяйственном отношении, данная территория осваивалась кочевниками и им же принадлежала. Этот факт был исторической закономерностью, подкрепленной спецификой природно-географических условий. В какой-то степени парадоксально, что городское строительство впервые здесь начинается в монгольское время, и его инициаторами являются все те же представители полиэтничной, кочевой, золотоордынской культуры.

Можно ли утверждать, что славянское проникновение на территорию Нижнего Поволжья начинается в это время? Да, но, участники этого процесса находятся в достаточно незавидном положении, выступая на арене евразийской истории в качестве невольников, конечные результаты этой «колонизации» невелики и, с известным трудом фиксируются только в материалах археологических исследований золотоордынских городов. Тем не менее, объективно, именно с XIV–XV веков. Нижнее Поволжье начинает осознаваться как ворота в Азию для нарождающегося русского государства, формирование которого является делом ближайшего последующего времени. Дальнейшая урбанизация этих огромных степных пространств является единственно возможным вариантом закрепления здесь, придания им статуса государственной территории России.

Таким образом, урбанизация и включение Нижнего Поволжья в рамки государственных границ России может быть понята через признание того факта, что процесс был начат еще раньше, чем русское централизованное государство сложилось как таковое. Закономерным итогом стало присоединение этой территории к России в XVI–XVII и появление здесь русского населения в ходе стихийной, а также упорядоченной, правительственный колонизации. В дальнейшем Нижнее Поволжье – один из наиболее своеобразных районов Русского государства, специфика которого в интересующий нас период ярко проявлялась практически в любой области: характере административ-

ного управления, процессе градостроительства, этническом и конфессиональном составе населения, быте, занятиях и материальной культуре населения.

В XVII веке в Нижнем Поволжье находились города как Саратов, Астрахань, Царицын, Черный Яр, Красный Яр, Гурьев, Терки. В первой половине XVIII века в ходе активной градостроительной политики было основано еще несколько укрепленных населенных пунктов, (таких как Селитренный городок в Астраханском Поволжье), которые по ряду признаков могут быть сопоставлены с малыми городами Среднего и Верхнего Поволжья, но таковыми не считались (рис. 2). В данный список следует также включить города и укрепленные пункты Нижнего Поволжья, расположенные на территории современной Саратовской, Волгоградской и Астраханской области (рис. 1).

Численно преобладающей этнической группой в Нижнем Поволжье в XVII–XVIII веках, являлись калмыки, ведущие кочевой образ жизни. Однако влияние оседлого населения на социально-экономическое развитие региона было заметно в гораздо большей степени, чем кочевого (Голикова, 1975. С. 58).

Приволжская полоса была лучше защищена и связана с центром государства. Эти районы и привлекали русское население, мигрировавшее сюда из различных регионов России. Касаясь вопроса о начале широкой колонизации Нижнего Поволжья, Л.Е. Верейн отметил, что приток русского населения в Астрахань и низовья Волги из «коренной Руси» начался с 90-х гг. XVI века, сразу после строительства и укрепления новой крепости (Верейн, 1958. С. 32). Население городов, ставших форпостами русского проникновения на неосвоенные пока территории, формировалось первоначально в основном за счет представителей служилого сословия, переселявшихся сюда из других регионов. Политические перипетии делали этот процесс не единовременным явлением, а эпизодически проявлявшейся скрытой тенденцией.

Подавляющее большинство исследователей, писавших о Нижнем Поволжье, отмечали своеобразие процесса колонизации в этом регионе. Этническая ситуация и процессы, происходившие в XVII–XVIII веках в городах этого региона были уникальны по своему характеру. Очевидно, с самого момента основания, ни один из городов-крепостей не был исключительно русским по составу населения, не говоря уже об Астрахани, которую с полным правом можно назвать полуазиатским, многонациональным городом.

Этническая ситуация в промысловых поселках, которые после городов являлись одним из наиболее ранних типов русских поселений в Нижнем Поволжье, несколько отличалась и для данного типа населенных пунктов (а точнее нескольких типов, так как и эта категория памятников также может быть подвергнута более детальной классификации) было характерно подавляющее преобладание русского населения. В данном случае основой процесса являлся хозяйственный облик поселков, связанный со ставшими традиционными видами промыслов, практиковавшихся у русского населения.

Политическая нестабильность в Нижнем Поволжье приводила к тому, что нижневолжские города, гораздо дольше, чем в других регионах России сохраняли свои укрепления и значительные военные гарнизоны. В течение XVII – XVIII веков они неоднократно подвергались нападениям. Наказы городским властям 1667, 1689, 1698 гг. и более позднего времени всегда содержали статьи, которые предписывали им исключительную внимательность в отношении соседей (РГАДА. Ф. 1104). Военные набеги кочевников были отмечены в 1711 и 1715 годах, опасность исходила также со стороны Турции, Персии, дагестанских княжеств, «воровских казаков» с Дона. Сообщения о военных столкновениях регулярно поступали в канцелярию правительствуемого Сената (РГАДА. Ф. 248). В отличие от многих поволжских городов, расположенных в среднем и верхнем течении, малые города Нижнего Поволжья и в XVII–XVIII веков продолжали сохранять черты военных пунктов. Наличие пригодных к военным действиям укреплений и особенности состава населения, в котором служилые люди преобладали над посадскими, подтверждают это.

Обобщение имеющихся данных о населенных пунктах, основанных русскими в Нижнем Поволжье в течение XVI–XVIII веков, позволяет представить процесс административного и хозяйственного освоения территории и возникновения новых поселений. Общность признаков, как отслеженных в ходе проведенных археологических обследований, так и установленных на основе сохранившихся письменных источников, позволяет выделить из общей массы русских населенных пунктов в Нижнем Поволжье XVI–XVIII вв., несколько категорий, из которых наиболее явны четыре.

1. Город – центр макро-региона. Первым и наиболее значительным из основанных городов была Астрахань. Она на протяжении всего периода являлась центром региона, основным местом концентрации русского населения.

2. Малые города (Саратов, Царицын, Красный Яр, Черный Яр, Енотаевск, Терки, Гурьев). Задачи, возлагавшиеся властью на эти города-крепости и присущие им характерные черты были уже неоднократно освещены в литературе. Наибольшее их количество (4) было основано в том же XVI веке, 3 – в XVII веке, 1 – в XVIII веке. Очевидно, с течением времени, несмотря на продолжавшиеся военные столкновения и другие перипетии политической истории, обстановка в Нижнем Поволжье постепенно стабилизировалась и надобность в основании новых крепостей возникала все реже. Малые города обладали значительной устойчивостью, о чем говорит и то, что все они продолжают существовать и сейчас.

3. Промысловые поселки и учуги (рыболовецкие посёлки) постоянного характера (Селитренный городок, Чаган, Камызяк, Иванчуг, Уваринский, Бахтемир, Бирюльский). В отличие от военных крепостей, промысловые поселки и учуги устойчивостью не отличались. Они целиком зависели от состояния промысла и природных условий территории. При изменении ситуации поселок мог быть передвинут на другое место или совсем исчезал (Любомиров, 1926. С. 61). Точное время основания крупных учугов не всегда известно, однако источники XVII века говорят о них как уже существующих. Есть мнение, что учуги стали возникать уже в XVI веке.

4. Постоянные заставы при Астрахани (Круглинская, Урутобская).

Именно эти категории поселений возникают первыми, и в приведённом порядке являются наиболее значимыми (в приведенном порядке очередности) для административного управления, политической стабильности, экономики региона, на протяжении всего периода XVI–XVIII веков служат местами концентрации русского населения.

Еще меньшей устойчивостью обладали поселки, основывавшиеся ватагами (сезонные промысловые поселения). На участках их промысла жилые дворы строились далеко не всегда. В описаниях Московского тракта в 1762 г. отмечено 10 ватаг между Астраханью и Енотаевском, в которых, по всей видимости, не было жилых дворов (Любомиров, 1926. С. 61).

В XVIII веке на территории Астраханского Поволжья было основано два селитренных завода, появление которых знаменовало появление новой категории русских поселений. Заводы обладали укреплениями, на их территории могли находиться каменные церкви, а поселки при них были достаточно многочисленны. Опись имущества одного из заводов указывает на то,

что их гарнизон был хорошо вооружен. Заводы нельзя назвать городами, но по уровню урбанизации они стоят выше, чем поселки при рыбных промыслах. Фигурирующий в письменных источниках в отношении их термин «городок» очевидно, наиболее точно отражает их суть.

Особую группу русского населения составляли гребенские казаки, жившие на правом берегу Терека и Сунжи, в Гребенях. И.К. Кириллов называет Курдюков, Гладский, Щадринский и Червленый городки (Кириллов, 1977. С. 139). В рукописи неизвестного автора середины XVIII века указывается также станица Новогладская (Косвен, 1957). Казаки имели небольшие пашни, занимались коневодством и торговлей, а в качестве подсобных занятий - охотой, рыбной ловлей, добывчей корней крашителя марены. В начале XVIII века казачьи городки подчинялись терскому воеводе.

Форпосты и почты появились со второй половины XVIII века. Всего от Астрахани до Царицына, по описаниям 1762 г., было 6 форпостов, 4 почты и 6 пунктов, в которых были и форпост, и почта. Такие поселения состояли из 1-2 плетневых землянок и такого же числа подобно устроенных конюшен.

До 1760-х гг. в Нижнем Поволжье не было населенных пунктов, основой экономики которых было бы сельское хозяйство. В 1762 г. в источниках впервые упоминается вотчина Каменева и хутор Фурсова, к северу от Черного Яра. По мнению П.О. Любомирова, оба эти хозяйства были скотоводческими (1926. С. 63). Однако их нельзя считать постоянными поселками.

С 1765 г. начинается расселение по Московскому тракту станицами астраханских казаков, селившихся станицами, и разрешается продажа дворянам государственных земель, что считается началом помещичьей колонизации. Основная масса сел и деревень, известных по письменным источникам, возникла в конце XVIII-XIX веков.

Таким образом, сообщения письменных источников позволяют сделать следующие основные выводы по ходу русской колонизации Нижнего Поволжья:

1. В географическом отношении заселение края началось с низовьев Волги, и только в конце XVIII века интенсивно стала заселяться северная часть волжской дельты.
2. Основная масса населения была сосредоточена на волжском побережье. Ахтуба и другие притоки Волги были заселены слабо.
3. Начиная с XVI века количество населенных пунктов, основанных русским населением, увеличивается (XVI - 5, XVII - 17, XVIII - 48). Наибольшая активность в этом направлении

была проявлена в XVIII веке. Однако, практически все города-крепости были основаны в XVI–XVII веков.

Характеризуя экономику и хозяйственные занятия населения Астраханского края, авторы письменных источников XVII – начала XVIII веков (А. Олеарий, К. де Бруин, И. Кирилов) обращали внимание на отсутствие там пашенного земледелия и факт снабжения населения привозным хлебом. Однако географические условия позволяли успешно заниматься скотоводством, выращиванием бахчевых, садовых культур, винограда, различными промыслами, в первую очередь, естественно, рыболовством и добывчей соли (Де Бруин, 1873. С. 451–454; Стрейс, 1935. С. 194–195).

Результаты археологических исследований Селитренного городища показывают, что сочетание различных видов хозяйственной деятельности было характерно для населения Астраханского края. Наряду с производством селитры, одним из основных занятий населения поселка был рыбный промысел. Как правило, обработка улова производилась прямо на месте, что подтверждается как письменными источниками, так и остатками производственных сооружений, вскрытых на городище в 2001–2002 гг. Так, обращает на себя внимание упоминание в документах значительного запаса соли, для хранения которого, несомненно, должно было существовать специально оборудованное помещение. Таковыми, по нашему мнению могут являться остатки кирпичных сооружений с комнатами небольшой площади и вымощенным полом, выявленные в раскопах XXV, XXVI. Кроме этого можно упомянуть о находках металлических крюкаов, якоря, приспособлении для вязания сетей, фрагментарно сохранившихся ножах (Гордеев, 2001; Зеленеев, 2002). Найдка печати с изображением всадника подтверждает, что городокмел не только экономический, но и административный статус, выражавшийся в обеспечении работы селитренного завода (что было немаловажно в условиях Северной войны), а также в контроле над соблюдением правил эксплуатации рыбных промыслов, откупленных у казны, выполнении таможенных функций.

В условиях унификации материальной культуры, характерной для XVIII века, достаточно сложно прийти к каким-либо новым выводам, на основании даже очень обширного материала. Результаты исследований слоев «русского времени» на Селитренном городище пока лишь конкретизируют сообщения письменных источников.

Вещевой материал, за исключением монет и печати, представлен обычным набором металлических изделий и гончарной керамической посуды из красной и серой глины. Отдельно обратить внимание можно лишь на предметы, связанные все с тем же рыбным промыслом. Многие из форм посуды имеют аналоги в материалах археологических исследований синхронных по времени русских городов Среднего и Верхнего Поволжья, что может свидетельствовать о миграциях населения и указать пути его притока в астраханские города (Гордеев, Павленко, 2004. С. 158-180).

Добыча соли, наряду с рыбным промыслом, являлась важнейшей сферой хозяйственной деятельности в низовьях Волги. Ввиду того, что все сооружения на местах соледобычи носили сезонный характер, их археологическое изучение до сегодняшнего дня не предпринималось. Описание данного вида хозяйственной деятельности становится возможным, исключительно, опираясь на данные письменных источников, что и было уже ранее предпринято многими исследователями.

Ремесло в Нижнем Поволжье служило в основном обеспечению местных нужд, но число ремесленников было довольно значительным, так же как и число ремесленных специальностей, отраженных в сохранившихся архивных документах. Там встречаются упоминания о таких ремесленных специальностях, как сапожники, скорняки, хомутники, шубники, седельщики, овчинники, завязошники, строчники, рукавичники, кузнецы, бронники, кожевники, котельники, холщевники, портные, епанешники, шапочники, строгальщики, плотники, оловянишники, серебряники, калачники, ситники, масленщики, мясники, рыбники, овоцники, винокуры, конопатчики, маляры, парусники, пильщики, токари, слесари, резчики, печники, фонарщики, паяльщики, мастера по изготовлению кожаных ведер. В описании Астрахани упоминаются ряды горшечных сараев. Региональная специфика обусловила также наличие в нижневолжских городах такой специальности, как кормщики (Голикова, 1982. С. 147).

Проведенные археологические исследования русских поселений на Нижней Волге позволяют документально подтвердить существование не всех ремесленных специальностей, что является в основном следствием ограниченного объема раскопок, однако даже имеющиеся данные вполне определенно дают основание говорить о развитом гончарном ремесле, которое, как и в любом другом регионе, обладало своей спецификой, отличающей местную посуду, кузнечном ремесле, плотницким (Гордеев, Павленко, 2004. С. 104-158).

В Царицыне, Красном Яре, Черном Яре перечень ремесленных специальностей был значительно беднее, чем в Астрахани. Археологические исследования в Красном Яре позволили документально подтвердить существование только гончарного и кузнечного ремесла, свидетельством чего явилась сероглиняная бытовая посуда местного производства и немногочисленные кованые изделия бытового назначения (гвозди, скобы, нож и т.п.) (Казаков, 1989). В Царицыне и Черном Яре исследования не проводились. Можно отметить, что письменные источники в ряде случаев свидетельствуют не только о наличии, но и об отсутствии тех или иных ремесленных специальностей. В том же Красном Яре, когда в 1705 г. потребовалось изготовить печать, выяснилось, что в городе нет серебряника (Голикова, 1982. С. 70).

Городской быт, одной из археологически фиксируемых черт которого были мостовые, в Царицыне также в определенной степени может быть реконструирован по данным письменных источников. Даже в начале XX века, не говоря о более раннем времени, в Царицыне, так же как и в Астрахани, мостовых не было. В городах Среднего и Верхнего Поволжья доступность леса позволяла использовать его и для этих надобностей. Городской быт Нижнего Поволжья исключал эту возможность ввиду дорожившины привозного леса. Каменные же мостовые в малых городах этого времени были исключительным явлением.

Сельскохозяйственные занятия горожан во многом определяли экономический облик городов. Косвенно на занятие населения сельским хозяйством могут указывать находки топоров, а также остеологический материал, который при правильном подходе обозначает даже особенности некоторых пород скота. Однако ни в одном из малых городов Нижнего Поволжья, насколько нам известно, подробного анализа костных останков скота не проводилось.

Большинство памятников XVI–XVIII веков в Нижнем Поволжье не подвергались стационарным археологическим исследованиям. Однако облик материальной культуры и хозяйствственные занятия их населения могут быть представлены на основании сопоставления с данными исследований, проводившихся в укрепленных пунктах, синхронных по времени существования с интересующими нас памятниками. Наиболее исследованными в археологическом отношении на сегодняшний день являются Астрахань и Селитренное городище. Разведочным обследованиям в разное время подвергалось Красноярское городище. Эпизодические находки предметов материальной куль-

туры, оставленных русским населением, были зафиксированы в Царицыне, Черном Яре.

В связи с этим мы посчитали возможным опубликовать ниже результаты археологических исследований Селитренного городища (в XVIII веке – Селитренный городок), дающие представление об экономике, быте, хозяйственных занятиях, особенностях материальной культуры русского населения Астраханского Поволжья, сконцентрированного в ту эпоху в немногочисленных укрепленных пунктах, подобных Селитренному городку.

В 1999 г. на «Больничном бугре», на территории современного села Селитренного Астраханской области, был исследован раскоп XXIII (Бурханов, 1999). Раскоп, площадью 160 кв. м. был заложен у подножия юго-западного склона бугра (рис. 3). Основными объектами раскопа XXIII, относящимися к XVIII веке (объекты XVI–XVII веков в раскопе выявлены не были) были кирпичная стена с завалом кирпичей, фрагмент кирпичного пола и остатки дома XVIII века.

В заполнении дома были найдены кости мелкого рогатого скота. По замечанию автора раскопок, дом был построен на золотоордынском слое, керамика и предметы золотоордынского времени встречались в заполнении конструкции вперемешку с русской. Как отмечает автор отчета, «возможности детального остеологического исследования материала не было». Среди определенных Г. Асылгараевой материалов раскопа XXIII упоминается один позвонок рыбы (сом). Других сведений о породах рыбы и скота автор полевых исследований не приводит (Бурханов, 1999).

В 2001 г. в юго-западной части Большничного бугра был заложен раскоп XXV, площадью 280 кв. м. (Гордеев, 2001) (рис. 3). Выявлено четыре строительных периода. Все сооружения раскопа были сложены из обожжённого золотоордынского кирпича, использованного вторично.

Наиболее древний из них до конца исследован в 2001 г. не был. Этот период, датированный началом XVIII века (Селитренный городок основан в 1714 г.), связан со слоем желтой супеси с кирпичной и алебастровой крошкой и золистой прослойкой, обнаруженной на уровне материка. Сооружений и конструкций, относящихся к этому периоду, обнаружено на данном этапе исследований не было. Найдены из указанного слоя представляли собой фрагменты керамической посуды, изготовленной из серой и красной глины, иногда украшенной лощением. Археологически целые формы в коллекции отсутствуют (Гордеев, 2001).

Второй строительный период, исследованный полностью, был датирован по бронзовой печати с изображением всадника с луком и медной монете 1731 г. (монета «полушка») концом 20-х – началом 30-х годов XVIII века. К этому строительному периоду относилась кирпичная кладка, предположительно являвшаяся частью сооружения, связанного с обработкой рыбы (вытапливанием жира). Кладка представляла собой конструкцию, сложенную из обожженного золотоордынского кирпича вторичного использования. Кирпич был выложен в три ряда на глиняный раствор. Кладка залегала под слоем серой супеси и тонкой пролисткой угля, мощностью до 2 см, в слое золистой супеси с включениями рыбьей чешуи и костей (Гордеев, 2001).

В квадрате 65 была обнаружена топка открытого типа, сделанная из вертикально поставленных золотоордынских кирпичей вторичного использования, и округлая в плане кирпичная выкладка с деревянным столбиком в центре. Топка была сделана из золотоордынских кирпичей, поставленных на ребро и образующих стенки с юго-западной, юго-восточной и северо-восточной стороны. Юго-западный угол топки сложен также из ордынских кирпичей, лежащих плашмя, в два слоя. Пол топки – утрамбованная супесь – был покрыт слоем золы и древесного угля. Культурный слой соседних квадратов содержал в себе обильные вкрашения золы, угля и белого порошка, который является результатом сильного пережога костей при выработке селитры. Сооружение, обнаруженное недалеко от топки представляло собой круглую в плане кирпичную выкладку, составленную из обломков ордынского кирпича. Некоторые кирпичи поставлены вертикально. В центре окружности был расчищен деревянный столбик диаметром 6 см (Гордеев, 2001).

Третий строительный период, по монетам времени правления Анны Иоанновны, был датирован 30-ми годами XVIII века. В слое серой супеси были выявлены деньга 1736 г., деньга 1739 г., деньга 1740 года. К данному периоду относятся несколько прослоек и слоев, отслеженных фрагментарно (в двух – трех квадратах), а также основной слой серой супеси с включениями фрагментов древесного угля, кирпичного боя, костей животных, штукатурки. Данный строительный период был временем наибольшей строительной и производственной активности. К его началу относилась кирпичная кладка, отслеженная в квадрате 5 (Гордеев, 2001). Предположительно это остатки вымостки или открытой топки, о чем говорит характер слоя почвы, в котором она обнаружена. Можно также заметить, что сооружение ориентировано по линиям северо-запад – юго-восток, северо-

восток – юго-запад и имело изначально квадратную или подпрямоугольную форму. Размеры сохранившейся части сооружения 140x60 см (Гордеев, 2001).

К этому же строительному периоду относилось сооружение, обозначенное как вымостка №1. Вымостка примыкала к сооружению №1 и, вероятно, представляла вместе с ним единый комплекс. Она была сложена из фрагментов обожженного кирпича обычного размера и большемерного, вторичного использования. Весь кирпич золотоордынского времени. Сама вымостка и площадь вокруг нее были покрыты слоем золы, рыбных костей и чешуи. Визуально были определены такие виды рыбы, как сазан, щука, судак, осетровые. Мощность слоя золы достигала 5-7 см. Здесь же были обнаружены куски древесного угля (Гордеев, 2001). Возможно, что вымостка использовалась как контильня или место для вытапливания рыбьего жира.

Вымостка №2 была сложена из обожженного золотоордынского кирпича вторичного использования, положенного на глиняный раствор. Вымостка частично разрушена. Раствор, использованный при сооружении вымостки, аналогичен раствору вымостки №1 и сооружения №1. В районе вымостки было отмечено большое количество золотоордынской керамики, русской керамики XVIII века, костей животных. Следов копоти, подобных отмеченным следам на вымостке №1, не было обнаружено (Гордеев, 2001).

Также к данному строительному периоду относились два сооружения (№1 и №2). Сооружение №1 было сложено из жженого золотоордынского кирпича, в перевязку, на глиняном растворе. Размеры сооружения – 140x170 см. При разборе сооружения было установлено, что кирпичная кладка стояла на деревянных плахах, лежащих на насыпной подушке, состоящей из рыхлой супеси с обломками жженого кирпича и алебастровой крошки. В северном, западном и восточном углу конструкции были обнаружены столбовые ямы с остатками дерева. В заполнении сооружения №1 были найдены фрагменты красноглиняной золотоордынской керамики, остатки железной втулки плохой сохранности с древесным тленом внутри, кости животных (КРС и МРС) и рыб (частик, осетровые), фрагменты железного ножа русского времени. Оно было ориентировано по направлению северо-запад – юго-восток. В плане имело подквадратную форму (Гордеев, 2001). Определению можно сказать, что это нежилая конструкция, использовавшаяся, вероятно, в одном комплексе с вымосткой №1.

Сооружение №2 было ориентировано углами по сторонам света, имело подпрямоугольную форму. Сооружение представляло собой деревянную раму из брусьев, сечением 15x7 см, уложенных по периметру конструкции. На брусьях лежали попеченные доски шириной 20 – 25 см и толщиной 5 – 7 см. Сверху деревянного настила, по периметру конструкции были выложены стенки из половинок обожженного золотоордынского кирпича, в перевязку на глиняном растворе. С юго-восточной стороны к сооружению примыкали столбы, сечением 15x5-7 см. При разборе сооружения №2, под деревянным настилом конструкции был обнаружен железный якорь и уложенные сбоку от него днища серо-глиняных русских сосудов. Один из сосудов – миска, 4 – горшковидные плоскодонные сосуды, большого диаметра. Якорь и керамические сосуды были уложены несколько раньше, чем сооружен настил пола. По всей видимости, данное сооружение было хозяйственной постройкой (сараем?), где хранился рыболовный инвентарь или другая утварь.

Последний, четвертый строительный период был датирован серединой XVIII века. Он врезался в предыдущий слой, разрушая его частично в юго-восточной части раскопа. Данный период связан со слоем серой супеси, содержащей фрагменты кирпичного боя. Сооружения этого времени были отслежены только в юго-восточной части раскопа на относительно небольшом участке, охваченном строительной деятельностью (Гордеев, 2001).

Сооружение №3 было ориентировано по направлению северо-запад – юго-восток. В плане сооружение прямоугольной формы, размерами 203x145 см. Оно имело форму кирпичной ограды, сложенной в один ряд, в 6 слоев в высоту. Конструкция была выложена на нивелировочную подушку из супеси с включением кирпичной и алебастровой крошки. В юго-восточной части конструкция имела забутовку, на которую были уложены сохранившиеся два слоя кирпича, с напуском в северо-западную сторону. Юго-западная стена ограды имела пролом почти в центре. Напротив были обнаружены остатки вертикально стоящего бревна диаметром около 20 см. С юго-восточной стороны сооружение имело, пристрой П-образной формы. Пристрой сооружения был сложен из обожженного золотоордынского кирпича, в перевязку на глиняном растворе. Максимальная сохранность кладки – 5 кирпичей в высоту. Внутри пристрой был забутован аналогично основному сооружению. Назначение сооружения однозначно не определяется (Гордеев, 2001).

Из общей массы находок «русского времени» выделяется несколько вещей индивидуального характера. К таковым можно отнести медный нательный крестик, курительную трубку из белой глины со штампованным орнаментом, датированную второй половиной XVIII века, фрагмент железного замка из 7-го штыка (Гордеев, 2001). Особенno следует отметить бронзовую печать, датированную XVII – началом XVIII веков, относящуюся к нижнему строительному периоду раскопа. Печать имеет четкий оттиск. Ее диаметр 20 мм, толщина 1 – 2 мм (она утолщается к нижней части). На лицевой стороне – изображение всадника на коне, вправо, с луком в правой руке. На обратной стороне печати – изображение симметричного дерева с тремя ветвями, на каждой из которых помещены лебеди. По краю нанесено несколько элементов растительного орнамента. В нижней части «ветви» дерева оканчиваются четырьмя «шишечками», представляющими собой стилизованное изображение плодов (Гордеев, 2001). Кроме перечисленных находок XVIII веком датируются некоторые предметы, широко распространенные на любом памятнике этого времени. Это кованые железные гвозди, бронзовая пуговица, стеклянное горлышко бутылки, точильные камни и оселки, другие предметы быта (Гордеев, 2001).

Остеологический материал, собранный в раскопе, достаточно разнообразен. О костных останках животных можно сказать, что наиболее многочисленны кости мелкого рогатого скота (баранов), которые по отношению ко всем костям, собранным в раскопе, составляют 64,8%. Крупный рогатый скот составляет 16,8% костных останков из раскопа, рыба – 18,3%. Наиболее малочисленны кости лошади и птицы, которые в совокупности составляли 0,1% от всех выявленных костей (Гордеев, 2001).

В 2002 г. исследования на «Больничном бугре» были продолжены. Раскоп, площадью 284 кв. м., обозначенный как раскоп XXVI, был заложен на юго-западном склоне «Больничного бугра» вдоль обрывистого,сыпающегося склона, подвергавшегося интенсивному разрушению (рис. 3) (Зеленеев, 2002).

В раскопе было выделено три основных строительных периода, относящихся к XVIII веку. К первому строительному периоду, охватывающему, по всей видимости, начальный период функционирования Селитренного городка (1714 – конец 1720-х годов), относились несколько ям неопределенного назначения и разрушенные остатки кирпичных сооружений (завалы), не позволяющие определить их характер и конструктивные особенности (Зеленеев, 2002).

Второй строительный период, который был соотнесен со слоем перемешанной рыхловатой супеси, охватывает, вероятно, период конца 1720-х – 1730-е годы. Слой супеси содержал в себе обильные включения алебастровой крошки, угля и битого кирпича, что является следствием активной деятельности, уничтожившей ордынские слои до материковой поверхности, нарушившей материк и разрушившей кирпичные сооружения ордынского периода. Характерно, что слой содержит три прослойки навоза толщиной 3-6 см каждая, что указывает на содержание домашнего скота. Наиболее древним сооружением данного времени является деревянная постройка размером 6,8x7,6м. По всей видимости, это остатки жилого дома (Зеленеев, 2002). Описание его устройства во многом соответствует описанию «русского дома» из раскопа XXIII 1999 года. Видимо, это одновременные сооружения, находившиеся недалеко друг от друга.

Третий строительный период, вероятно, может датироваться 40-50 гг. XVIII века (Зеленеев, 2002). К этому времени относилось около десятка ям округлой формы разного диаметра и глубины, беспорядочно расположенных на поверхности раскопа, а также два больших скопления золы в северо-восточной части раскопа.

Наиболее интересным сооружением этого периода является сооружение №3, располагавшееся в центральной части раскопа. Это прямоугольная конструкция со сторонами 3,8x4,6м, ориентированная в направлении северо-восток – юго-запад. Сооружение представляло собой полностью сохранившуюся вымостку пола, сложенную из золотоордынских кирпичей вторичного использования, огороженную по периметру кладкой шириной в один кирпич и высотой в пять рядов. В центре юго-западной стены был оставлен дверной проем шириной 1,5 м. Несколько кирпичей завалились внутрь проема. Перед «дверью» была оставлена прямоугольная не огороженная площадка размером 3,8x1,2 м (Зеленеев, 2002). Таким образом, сооружение состояло как бы из двух частей: огороженной квадратной части с дверью и прямоугольной площадки перед дверью. Вся площадь сооружения вымощена кирпичом. Почти весь кирпич целый. Особенно тщательно выложен пол внутри сооружения; площадка перед входом несколько более небрежно, с использованием большего количества битого кирпича. Определенно можно сказать, что данное сооружение было нежилым в силу своих небольших размеров. Существует предположение, что это остатки печи, однако отсутствие нагара на кирпичах ставит под сомнение

ние эту версию. По нашему мнению, данное помещение носило характер некоего «склада». Ширина дверного проема явно указывает на то, что это не печь. «Герметичное» помещение с вымощенным полом, каким являлось сооружение №3, могло использоваться для хранения запасов соли, селитры, либо для сушки или хранения вяленой рыбы (последнее менее вероятно, т.к. рыбья чешуя в большом количестве внутри помещения обнаружена не была).

Интересен вещевой материал, полученный в раскопе XXVI. Железные предметы были представлены обычным массовым инвентарем, который характерен для любого населенного пункта этого времени – гвозди, квадратные в сечении, скобы, фрагменты металлических изделий. Отдельно хотелось бы остановиться на железных крюках большого размера. Они достаточно часто встречались в материалах как XXV, так и XXVI раскопов. По нашему мнению, эти изделия связаны с занятием населения рыбным промыслом и применялись для подвешивания рыбы во время разделки или сушки. Кроме крюков на занятия местного населения рыбным промыслом указывает костяная «игла» большого размера, использовавшаяся очевидно для вязания и починки сетей. Длина изделия 18 см, в сечении прямоугольной формы 1x1,6 см в средней части. Конец приостренный (Зеленеев, 2002).

Из других индивидуальных находок можно выделить нательный старообрядческий крестик из желтого сплава, бронзовый наперсток, фрагмент бронзового прута, железное шило (Зеленеев, 2002).

Описание русской керамической посуды XVIII века Селитренного городища, в целях общей характеристики керамического производства в населенных пунктах Нижнего Поволжья, основанных русским населением, может быть дано по результатам стационарных археологических исследований 1999, 2001, 2002 гг.

В заполнении дома XVIII века, в раскопе XXIII 1999 г., наряду с находками золотоордынского времени встречаются фрагменты черно-глиняной русской керамики XVIII века и фрагменты русской поливной керамики на красноглиняной основе с прозрачной поливой и подглазурной росписью с желтым, зеленым и коричневым цветами и гравировкой по ангобу. В заполнении русского дома было зафиксировано 19 фрагментов коричневой неполивной керамики, 10 фрагментов серой неполивной керамики и 4 фрагмента бурой керамики (всего 33

фрагмента XVIII века) (Бурханов, 1999). Часть фрагментов русской керамики имеет следы лощения.

В раскопах XXV 2001 г. и XXVI 2002 г. достаточно четко выделяются два вида позднесредневековой русской керамической посуды:

1. Гончарная плоскодонная красноглиняная керамика. В изломе красного цвета. Снаружи иногда серого цвета или поверхность покрыта нагаром. Тесто содержит примесь крупного речного песка, в изломе имеет слоистую структуру с редкими порами. Обжиг хороший. Некоторые фрагменты имеют лощение. По отношению к общему количеству керамики данный тип составляет 11,4%.

2. Гончарная плоскодонная серо-глиняная керамика. Снаружи, в изломе и изнутри – ровного серого цвета. Тесто с примесью песка, плотное, без пор. Обжиг качественный. Часть фрагментов с черным лощением в виде сетки или горизонтальных и вертикальных линий. Зафиксированы фрагменты также с прочерченным волновым и линейным орнаментом. По отношению к общему количеству керамики данный тип составляет 18,5% (Гордеев, 2001; Зеленеев, 2002).

Таким образом, сейчас есть все основания для того, чтобы говорить о заметных прогрессивных изменениях в состоянии проблемы изучения хозяйственного облика, быта и материальной культуры русского населения Нижнего Поволжья в период втор. пол. XVI – сер. XVIII веков Сопоставление известных на сегодняшний день опубликованных письменных источников и неопубликованных письменных источников с результатами археологических исследований, объединение их в единый комплекс, позволило прийти к следующим выводам, дополняющим уже существующий объем информации:

1. В качестве хронологических рамок исследования городских памятников, основанных русским населением в Нижнем Поволжье, необходимо выбрать XVII – первую четверть XVIII веков. Тем самым подтверждаются предположения о том, что именно в указанный период времени малые города в данном регионе (а в Верхнем и Среднем Поволжье также и в XVI веке) обретают свою специфику. Эта специфика в дальнейшем утрачивается, а малые города растворяются в общей массе неукрепленных населенных пунктов.

2. Общие условия возникновения и развития были главным, что объединило вместе памятники указанного типа.

3. И письменные, и вещественные источники рисуют малые города Нижнего Поволжья XVI – начала XVIII веков как слож-

ный социально-экономический организм. Однако нельзя согласится с тем, что городам, промысловым поселкам, заставам и другим населенным пунктам Нижнего Поволжья присущи все черты и особенности, свойственные вообще русским памятникам XVII – первой четверти XVIII веков. Населенные пункты, в которых концентрировалось русское население как тяготевшие к астраханской округе, так и к другим крупным городским центрам на Волге, таким, как Казань, Нижний Новгород, Кострома, в силу особого характера условий их возникновения (на вновь присоединенных территориях) и роли, выполнявшейся ими, существенно отличались от аналогичных памятников других регионов, синхронных по времени существования.

4. В пределах Поволжья можно заметить разницу в хронологии возникновения и существования малых городов, но она обусловлена временем вхождения той или иной территории в состав России. «Функциональные особенности» данной категории памятников и их основные признаки остаются общими для всех них и служат объединяющим фактором при любых обстоятельствах. Это же отделяет их от всех остальных городов, существовавших на других территориях в одно или разное с ними время.

5. Можно определенно сказать, что наличие укреплений является общей чертой для большинства рассмотренных нами памятников. Укреплениями обладали не только города, но и постоянные промысловые поселки, что является одной из наиболее характерных черт планировки населенных пунктов Нижнего Поволжья, основанных в XVI–XVIII веках.

6. Общность признаков, как отслеженных в ходе проведенных археологических обследований, так и установленных на основании сохранившихся письменных источников, позволяет выделить из общей массы населенных пунктов, основанных русским населением в Нижнем Поволжье в течение XVI–XVIII веков, несколько категорий, из которых наиболее явно заметны:
1. Город – центр макро-региона Астрахань; 2. Малые города – Саратов, Царицын, Красный Яр, Черный Яр, Енотаевск, Терки, Гурьев; 3. Промысловые поселки и учуги постоянного характера – Селитренный городок на Ахтубе, Селитренный городок, Чаган, Камызяк, Иванчуг, Уваринский, Бахтемир, Бирюльский; 4. Постоянные заставы при Астрахани – Круглинская, Урустобская. Именно эти категории возникают первыми, являются наиболее значимыми (в приведенном порядке очередности) для административного управления, политической стабильности, экономики региона, на протяжении всего периода XVI–XVIII веков служат местом концентрации русского населения.

ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Бурханов А.А. Отчет об основных итогах археологических исследований ТАО ПАЭ в Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 1999 году // Фонды АГОИАМЗ. №15701.

Вереник Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к русскому государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань: Волга, 1958.

Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705-1706 гг. М., 1975.

Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII веков. М., 1982.

Гордеев В.И. Отчет об археологических исследованиях Селитренного городища Астраханской области в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Гордеев В.И., Павленко Ю.А. Малый город Поволжья в позднем средневековье // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2004. Вып. 2.

Де Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873.

Зеленеев Ю.А. Отчет об археологических исследованиях Селитренного городища Астраханской области в 2002 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Казаков П.В. Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1988 году / Архив АКМ.

Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизречеными трудами Петр Великий, отец отечествия, император и самодержец всероссийский.. М., 1977.

Косвен М.О. Описание гребенских казаков XVIII века // ИА. 1957. №5.

Любомиров П.О. О заселении Астраханской губернии в XVIII веке // Наш край. Орган астраханской губернской плановой комиссии. Астрахань, 1926. №4.

Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг. М., 1870.

РГАДА. Ф. 248. Д. 132. Л. 89-91.

РГАДА. Ф. 1104. Д. 1. Л. 40об – 41.

Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.

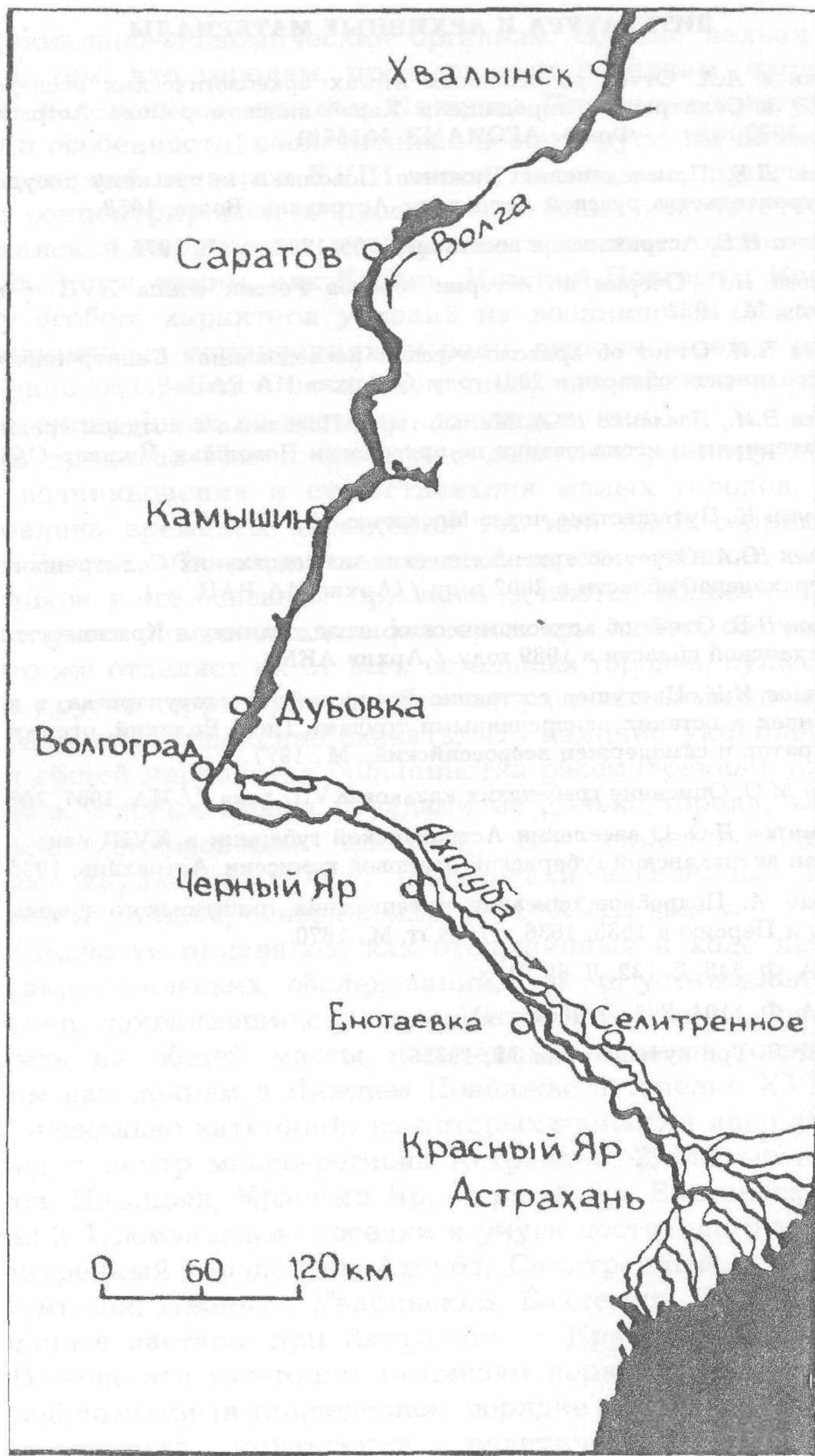

Рис. 1. Нижнее Поволжье (современное состояние)

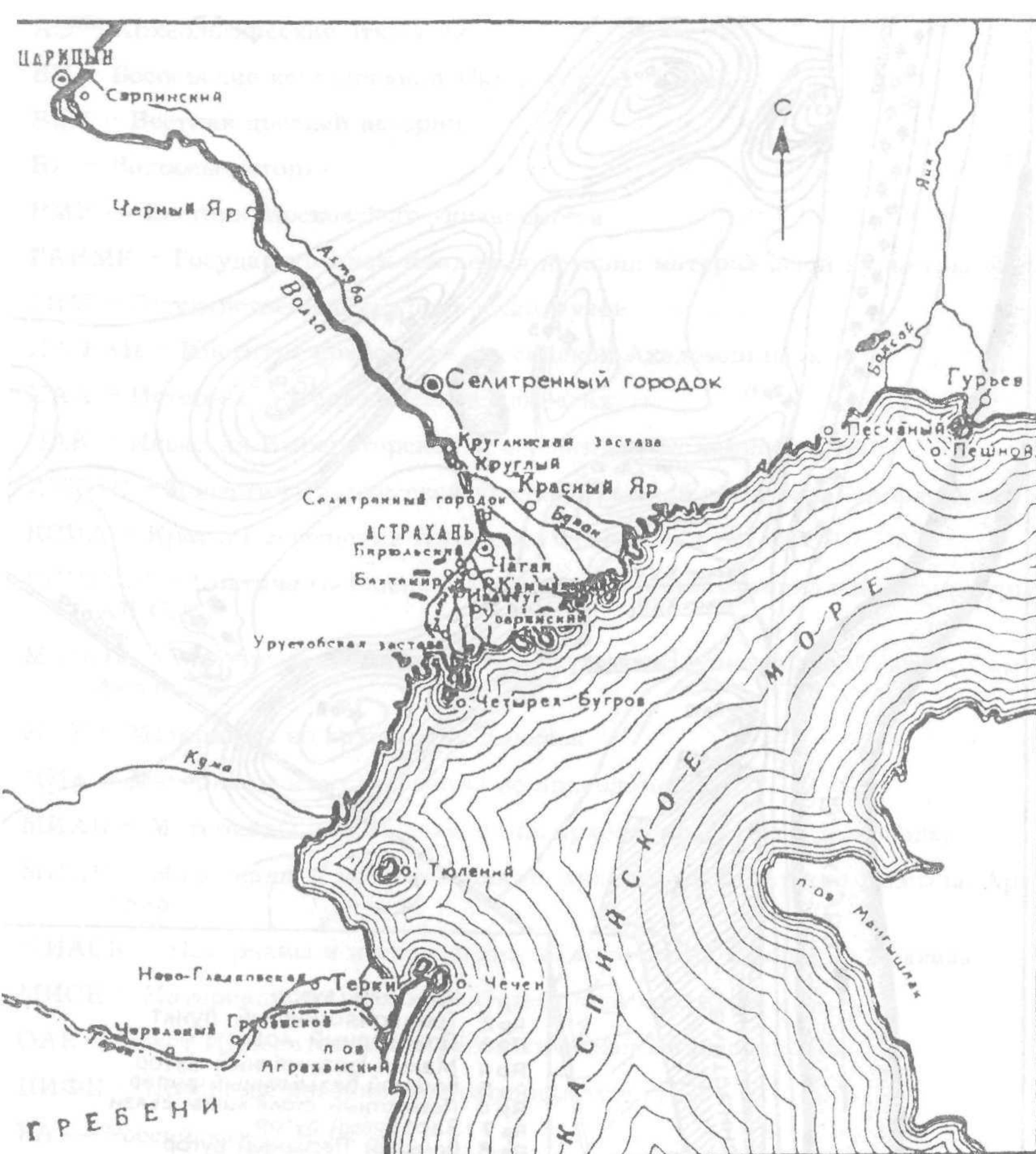

Рис. 2. Города и населенные пункты, подведомственные г. Астрахани в XVII – начале XVIII веках

Рис. 3. Топографическая схема Селитренного городища

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВУ – Археологічні відкриття в Україні. Київ
- АО – Археологические открытия
- БИ – Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
- ВДИ – Вестник древней истории
- ВИ – Вопросы истории
- ВМУ — Вестник Московского университета
- ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Л
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук
- ИАА – Историко-археологический альманах
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб
- ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР / РАН
- КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
АН СССР
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Сим-
ферополь
- МАК – Материалы по археологии Кавказа
- МИА – Материалы и исследования по археологии. М.; Л
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар
- МИАК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Ар-
мавир
- МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
- МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края
- ОАК – Отчет Императорской Археологической Комиссии. СПб
- ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры
- РА — Российская археология
- СА — Советская археология
- САИ – Археология СССР. Свод археологических источников
- СТ – Советская тюркология
- СХМ – Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
- СЭ – Советская этнография
- ТА – Татарская археология
- ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
- ЭО – Этнографическое обозрение

Содержание

- И.Л. Кызласов. Предисловие. — 5
- Список работ доктора исторических наук, профессора Светланы Александровны Плетнёвой. — 7
- И.Л. Кызласов. Духовное развитие Южной Сибири в свете енисейской эпиграфики. — 19
- А.М. Обломский. Юртообразная постройка V века н.э. на территории Верхнего Подонья. — 40
- В.Н. Чхайдзе. Средневековые погребения в каменных ящиках на Таманском полуострове. — 53
- У.Ю. Кочкаров. Боевые топоры Северо-Западного Предкавказья VIII-XIV веков. — 87
- Н.А. Кокорина. Гончарное производство Волжской Булгарии X — начала XIII веков: становление и развитие. — 108
- Л.П. Загайнова, Ю.А. Зеленеев, О.В. Зеленцова. Новые данные о проникновении культуры волжских болгар в мордовские земли (поселения X-XIV вв. в лесостепном Посурье по работам 2005 г.). — 158
- Е.А. Армарчук. «Половецкие серьги». — 201
- П.Г. Гайдуков, И.Л. Кызласов. О дальности восточных связей Великого Новгорода в древнерусскую эпоху. — 217
- Ю.А. Павленко. Хозяйство, быт и материальная культура русских Нижнего Поволжья в позднем средневековье и начале нового времени. — 224
- Список сокращений. — 245